

**СДЕЛАНО
В СССР**

**ЛЮБИМЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

ДЕЛО ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Никита Филатов

МОРОКОЙ ВОКЗАЛ

Сделано в СССР. Любимый детектив

Никита Филатов

**Дело частного
обвинения (сборник)**

«ВЕЧЕ»

1996

Филатов Н. А.

Дело частного обвинения (сборник) / Н. А. Филатов —
«ВЕЧЕ», 1996 — (Сделано в СССР. Любимый детектив)

ISBN 978-5-4444-9094-5

В книгу остросюжетной детективной прозы популярного петербургского автора Никиты Александровича Филатова (1961 г. р.) вошли его ранние повести «Дело частного обвинения», «Мышеловка за мышью не бегают», «Сестра наша смерть», «Отдельное поручение» и «Жертва фигуры», объединенные одним главным героем – капитаном милиции Виноградовым. В них честно и с поразительной достоверностью описаны криминальные события, происходившие в конце 1980-х годов на улицах городов и на далеких окраинах необъятного Советского государства.

ISBN 978-5-4444-9094-5

© Филатов Н. А., 1996
© ВЕЧЕ, 1996

Содержание

Дело частного обвинения	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Никита Филатов

Дело частного обвинения (сборник)

© Филатов Н.А., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Дело частного обвинения

*По кочкам, по кочкам,
По узеньким дорожкам...
В ямку – бух!*

Привычный звук – что-то среднее между робким стуком и решительным поскребыванием.

– Войдите.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы пропустить белесую личность в короткой кожаной куртке – униформе «ракетчиков» и преуспевающих «мажоров» от Выборга до Владивостока. На несколько секунд кабинет заполнился уханьем и визгом установленных в холле шведских игровых автоматов.

Виноградову не без труда удалось удержать безгловую гримасу – посетитель был мелким и достаточно бестолковым энтузиастом-осведомителем, готовым по врожденной гнилости натуры «отдать» даже собственного поделщика. Он совершенно не вписывался в стройную, с любовью взлелеянную и тщательно оберегаемую Владимиром Александровичем информационную структуру обслуживаемого объекта, но... не гнать же!

– Садись.

– Я лучше присяду, – на физиономии посетителя появилось выражение неуверенной наглости. Дважды за последние полгода оштрафованный, он только недавно вернулся «с суток», куда хозяин кабинета под горячую руку отправил его прямо из уютного салона финского автобуса.

– Слушаю тебя.

– Квадратный сейчас в баре сидит. Минут двадцать как из номера спустился.

– Один?

– С бойцами.

– Понятно, я не об этом.

– Не, один. «Лечится» после вчерашнего.

– Да слышан уже. Придется сходить, прочитать политграмоту.

– Гы! И так человеку тяжело...

– Разберемся. Давай-ка, иди. На автоматах, что ли, поиграй. А я чуть позже. – Виноградов встал, уже не глядя на собеседника, шагнул к колышущемуся полотну серебристых штор. За огромным, в два человеческих роста окном пересыпала яркие солнечные блики мелкая рябь залива. Расстояние скрадывало пестроту раскраски океанских судов, могучих кранов и причальных сооружений, поэтому панорама Торгового порта представлялась серым кружевным поясом с заправленным в него безукоризненно голубым небом. Стремительная белизна чаек, треугольники яхтенных парусов...

Выйдя из кабинета, Виноградов тщательно, на два оборота, запер дверь и привычным жестом опустил увесистую связку служебных ключей в карман пиджака. Обращиваясь лицом к залитому светом – и электрическим, и солнечным, льющим сквозь застекленный потолок, – гостиничному холлу, он успел в очередной раз удивиться безвкусию и помпезности авторов Образа Вождя, водруженного на мраморной стене... и пространство вокруг взорвалось многократно отраженным и усиленным грохотом выстрела. Ошарашенный мозг ещё пытался оценить ситуацию, а тело уже перемещалось – вправо и вниз, рука судорожно рвала кнопку оперативной кобуры. Метрах в двадцати, почти посреди холла, постовой милиционер проделывал почти то же самое – но с большим успехом: ствол его пистолета уже разворачивался в сторону главного входа. В дверях бара обрушивался на каменную мозаику

пола, стиснув ладонями пах, могучего телосложения коротко стриженный мужчина. Монументальный павильон пассажирского отдела таможни загораживал обзор, поэтому взгляд Виноградова, наткнувшись на кучку замерших у гостиничного лифта иностранцев, метнулся обратно. Запрокинутое лицо падавшего взорвалось густо-красными хлопьями одновременно с грохотом второго выстрела, а третий отбросил к стене едва успевшего загнать патрон в патронник «Макарова» сержанта.

Совершенно не по-уставному, обеими руками вцепившись в вытянутый вперед пистолет, Виноградов выкатился на открытое пространство перед главным входом.

...Неопрятно-белая, в грязевых подтеках «девятка» на пандусе... Еще четыре-пять шагов – и он нырнет в машину, как и шел – спиной вперед, не опуская настороженно рыскающего ствола... Сталлоне хренов...

Первый выстрел Виноградова оказался смертельным – в сердце. Очевидно, случайно – за годы работы в милиции ему почти никогда не удавалось честно получить зачет в тире. Из остальных семи шесть ушли в «белый свет», а одна пуля слегка задела отъезжавший автомобиль.

По радио шла передача «Из коллекции редких записей». Пел Высоцкий:

В Ленинграде-городе –
тишь да благодать.
Где шпана и воры где?
Просто не видать!
Не сравнить с Афинами –
прохладно,
Правда – шведы с финнами, –
Ну ладно!..

– Во, блин! Как по заказу, – начальник розыска перегнулся через стол и нажал клавишу приемника.

– Да оставь ты его, пусть играет! – Виноградов оторвался от спецблокнота, свежие страницы которого были испещрены неровными строчками протокола только что закончившегося совещания. – Все равно без шефа не разойдемся.

– А я пойду, пожалуй, – в голосе обычно уверенного в себе, улыбчивого здоровяка, курировавшего объект по линии КГБ, явственно проявлялось нежелание покидать этот не слишком уютный и насквозь прокуренный кабинет и идти на доклад к своему руководству – как и многие оперативники Комитета, прошедшие беспощадную школу Афганистана и отечественных межнациональных конфликтов, он легче находил общий язык с милицейскими сыщиками, чем с коллегами.

– Погодите! Время уже – во, телик пора включать.

Начальник розыска еще не успел закончить фразу, а Грачновский, седой в неполные сорок лет подполковник милиции, представлявший на совещании 6-е Управление, уже шел через кабинет к телевизору.

...На экране возникла панорама Морского пассажирского вокзала, затем – крупно – пулевая выбоина на мраморной колонне. В «скорую» грузят накрытое белой простыней тело.

«Сегодня здесь в 10 часов 28 минут разыгралась очередная кровавая драма. Двумя выстрелами из крупнокалиберного пистолета убит житель и гражданин Швеции, в недавнем прошлом – наш соотечественник, имя которого, вероятно, многие напомним любителям тяжелой атлетики – Константин Контровский. Ранен выполнявший свой служебный долг сотрудник милиции...»

На пандусе – популярный телекомментатор, дающий прикурить сигарету улыбающемуся милиционеру с рукой на перевязи. Крупно – обведенный на асфальте мелом контур человека.

«Преступник в перестрелке убит, ведется розыск его сообщников, скрывшихся в белой “девятке” без номеров, предположительно имеющей характерные пулевые повреждения... Наша программа располагает конфиденциальной информацией о том, что причины происшедшего кроются в оголтелом соперничестве между группировками мафии, рвущимися на международную арену. Что же еще ждет нас с вами при том параличе власти и попустительстве, которое так называемые...»

– Да-а, не было печали.

– Ладно, что у нас в Главке дело на контроле – это уж само собой. Так ведь еще и Москва не слезет.

– А при чем тут телевидение?

– Странный вы народ, чекисты. Сводки и ориентировки кто читает? Профессионалы. Кому это для дела надо, кто сообщает, что с информацией делать. А телик все смотрят – и тетки-бабки из очереди, и генералы, и депутаты со всякими прочими шишками, и жены их. Отцов города сейчас лягнули – так они теперь из кожи вон полезут, нашему начальству покоя не дадут, чтоб отмыться. А генерал министерский – он что, жене с любовницей или приятелю за бутылкой признается, что ничем, кроме закупки скрепок и промокашек, уже лет двадцать не занимается? А вдруг они спросят – а что у тебя там на Морском? Скоро ты этих гадких бандитов поймаешь? Нет, он теперь потребует постоянных докладов, желательно – письменных...

– Ну, положим, не все такие...

– Как говорят в Одессе: «Об все не может быть и речи». Ну и таких достаточно. Всяко-разно – на нашу шею хватит.

Следственные методы работы по возбужденному прокуратурой уголовному делу эффект дали мизерный и не то что радужных – вообще никаких перспектив не сулили. К концу третьих суток расследования это стало ясно даже непрофессионалам. Сначала десятки, а потом и сотни листов протоколов допросов, экспертиз, запросов и ответов на официальных бланках, компьютерные распечатки ГАИ, фототаблицы – в сущности, все возможное и действительно важное уже было сделано, оставались только процессуальные конвульсии, позволяющие имитировать «движение» по делу до того предусмотренного законом дня, когда следователь с легкой душой спишет его в «глухари» и засунет в самый дальний угол сейфа.

– Понимаешь, Степаныч, формально это дело прекратить – раз плюнуть. – Старший следователь региональной прокуратуры по особо важным делам Ишков был старинным приятелем начальника Отдела морской милиции, в кабинете которого сейчас сидел, и мог себе позволить говорить откровенно. – Преступник установлен, погиб и к ответственности привлечен уже быть не может – Кодекс дело прекратить позволяет. А соучастники – какие такие соучастники? Не было никаких соучастников. Машина там случайно мимо проезжала, испугался водитель стрельбы – дал деру. Ну не нашли твои сыщики этого важного свидетеля – что ж поделаешь? Свидетель – всего лишь свидетель, слава богу, не единственный и погоды не делающий.

– Тем более что шведы, как выясняется, из-за Контровского особо не расстроились и такая версия их вполне устроит.

– Да? Тоже неплохо. Героев бы твоих, – Ишков повернулся к третьему участнику беседы, Виноградову, – наградили... Как, молодой человек, неплохо?

– В общем, возражений нет.

– То-то. Все бы хорошо – но шум вокруг этого, мягко говоря, нездоровый. Те дергают, эти...

– Нас тоже, – начальник отдела понимающе вздохнул.

– Короче, найдете мотив – скромный какой-нибудь, не белыми нитками шитый, но – железно закрепленный, железно! – прекратим дело.

– Ревность, долги карточные... – кивнул понимающе Виноградов.

– Ну, Степаныч, чувствуется твоя школа. Ему, наверное, и поручишь?

– Кому ж еще! А, Владимир Александрович? Объект твой, официально по уголовному делу ты работать не можешь – в качестве свидетеля допрошен... Значит, если у закона к покойнику претензий уже нет, они вроде у тебя должны быть.

– Я, товарищ подполковник, не ребенок. С убийцей мы в расчете, хотя он, так сказать, первый начал. Но что для дела надо – конечно, сделаю. Залипую в лучшем виде. Одна только просьба – если получится у меня на тех, кто его посылал, выйти...

– Владимир Александрович! Мы не меньше вас заинтересованы в изобличении организаторов стрельбы, – голос Ишкова зарокотал негромко, но внушительно – как отдаленная гроза. – Получится – честь вам как сыщику и хвала. Пока у вас не получается – и мы вынуждены искать компромиссы, – на личных местоимениях рокот усиливается.

– Я понимаю, товарищ подполковник, – Виноградов повернулся к начальнику, – как сыщика меня устроят оба варианта. Но как человека, у которого во лбу могло оказаться это... – он кивнул в сторону фототаблицы с изображением извлеченных из тела Контровского пуль – мне ну просто очень хочется глянуть в глаза тем ребятам.

– Эмоции – враг профессионала. Впрочем, молодой человек, ваш начальник считает, что интересы службы для его любимого ученика – не пустой звук. А остальное – ваше личное дело.

– Так сказать, дело частного обвинения...

– Ну, юридически, конечно, не безупречное сравнение... хотя – эффектно.

– Значит, так. Сегодня вечером, Владимир Александрович, доложите план. Подключайте всех, кого считаете нужным, – в той степени и объеме, которые входят в мою компетенцию. Со Службами, в принципе, вопросы решены – если и не помогут, то хоть в компот не плюнут... Свободны.

Должность, которую уже более года занимал капитан Виноградов, полностью называлась длинно и малопонятно даже для значительной части сотрудников территориальных органов внутренних дел – существовала она только в транспортной милиции, да и то не в каждом линейном отделе. Фактически он был начальником подразделения, состоящего из трех офицеров, и без малого двадцати милиционеров и оперативно обслуживающего городской Морской пассажирский вокзал и, естественно, всю сферу пассажирских перевозок паромов. Так как все его подчиненные одновременно входили в штат соответствующих служб Отдела морской милиции, Владимиру Александровичу приходилось делить свои начальнические функции с полудюжиной других руководителей, хотя как это ни странно, на соответствующую долю ответственности – и за личный состав, и за обслуживаемый объект – никто не претендовал. Его непременно заслушивали на всех итоговых совещаниях – и по линии работы угрозыска, и в отделении БХСС, и о состоянии борьбы с подростковой преступностью, а также по вопросам кадровым, социально-бытовым... Словом, должность Виноградова являлась профессионально исключительно интересным, создающим все условия для саморазвития, служебным тупиком. Уйти с нее, руководящей, на рядовую оперативную работу – как ни крути – понижение, занять место начальника отделения или отдела?.. Как правило, руководителями оперативных аппаратов становятся свои, на глазах воспитанные и вскормленные, – а даже для бывших коллег и учеников из ОБХСС Виноградов уже был и не то чтобы совсем уж посторонним, но и... – скажем так – не родным. Так же обстояло

дело и с розыском, и с охраной общественного порядка, а должность начальника Управления, требующую примерно такого же уровня компетентности и универсальности, как и теперешняя, никто пока не предлагал. И вряд ли предложит в будущем. Что же согнало честолюбивого, умного и в недавнем прошлом удачливого старшего оперуполномоченного БХСС с накатанной, оборудованной необходимыми стрелками и указателями, идеально прямой, скрывающейся за горизонтом магистрали здоровой советской карьеры, заставило крутануть баранку на выщербленный и плохо освещенный проселок?

– В этих джунглях каждый жует свой банан, – обычно отвечал на подобные вопросы Виноградов. Однако сегодня, вопреки обыкновению, он продолжил:

– Как мы сейчас с преступностью боремся? Ну вот представь себе: поле, окопы... Надвигаются вражеские танки. Грохот, пыль, гибнут один за другим – лучшие! Кое-кто втихую в тыл отползает. И вдруг оружейные расчеты получают команду – пушки зачехлить, примкнуть штыки и бить врага гранатами... Нет конечно, враг не пройдет, но почему такой ценой? Кому это нужно? Ну вот, кое-кто из самых непонятливых берет, плюнув на приказы, пушки, лупит по танкам, жжет их – и получает в спину очередь. От своих же тыловых крыс... Ты же помнишь, как всем городом за бандой Тамарина охотились? По закону – ничего сделать нельзя было. Ну и пришлось... Крик стоял – давай! сажай! Худо-бедно – посадили. Теперь орут – провокация! не по правилам! Кто виноват? Кто кричал? Нет, кто зад свой подставлял! Нужен крайний – вот он. В смысле – я. Совсем схарчить вроде рискованно, а вот в почетную ссылку – будьте любезны.

– Логика, в общем, у твоих шефов была правильная, тут уж ты, братец, горячишься. Пересидел бы пару лет в тени – все бы утряслось, позабылось...

– Ага – в тени! – Виноградов положил руки на пачку вчерашних газет. В каждой хоть как-то, но отражался и комментировался инцидент на Морском вокзале. – Помнишь, лозунг был: «Там, где партия – там успех, там победа!»? Так вот, там, где я – насчет тени или, к примеру, тишины и покоя, – напряженка.

– «Виноградов В.А. и его роль в формировании криминогенной обстановки на объектах транспорта». Краткие тезисы диссертации.

– Дурак ты, товарищ капитан, хоть и «академик». Вам, писарям...

– Ладно, ладно, не злись. – Капитан милиции Телков, в отдаленном прошлом – младший коллега Виноградова по отделению БХСС, поступивший вскоре какими-то не совсем ясными путями в Академию, закончивший ее «с отрывом от производства» и сменивший теперь хлопотную оперативную работу на деликатную должность в аппарате Главка – точнее, в инспекции по личному составу, – примирительно потрепал собеседника по плечу. – Что бы ты без меня, писаря, делал... Оценил? Проверка у тебя на Морском три серьезных и с десятков по мелочам нарушений выявила. Я-то понимаю – где их нет? А мое руководство? Думаешь, оно крови не жаждет? А я такое заключение сляпал – все кругом в дерьме, один ты почти д'Артаньян. Хотя, сам понимаешь, можно было бы и наоборот все повернуть...

– Ну, благодетель, спасибо! А давай меняться – ты будешь башку под пули подставлять, а я из-за тебя – с начальством ссориться, доказывать, что ты не виноват, что тебя недоподстрелили. Но уж в следующий раз этот недостаток ты обязательно устранишь.

– Хватит, поссоримся. Слушай, Вова, вам тут, внизу, попроще... Понимаешь, у жены скоро день рождения – надо бы через твоих хануриков чего-нибудь этакого достать...

Радиостанция на столе зашуршала, всхрипнула и опять затихла.

– Т-с-с! Тихо! – капитан Груздев из управления Грачновского неловко повернулся и задел стакан. Содержимое вылилось частично на брюки, а частично – на газету, служившую скатертью.

– Да не дергайся ты, ради бога. – Виноградов слегка передвинул от себя полную окурков пепельницу. С тех пор как он в очередной раз бросил курить, ничто не вызывало у него большего отвращения, чем вид и запах подмокших, использованных фильтров. – У меня же бойцы на посту, если что – предупредят «тональными».

– Давненько я так не сидел, – задумчиво протянул самый старший из присутствующих, уже знакомый здоровяк «комитетчик». – Считай так, что с Указа.

– Только не надо... У вас еще не так пьют.

– Да где угодно – но не в кабинетах.

– А это потому, что вы все друг друга боитесь – кто первый начальству стукнет... От безделья друг на друге тренируетесь.

– Уймись, – оборвал подвыпившего Груздева Виноградов, не давая разрастись до размеров локального конфликта вековому антагонизму между политическим и уголовным сыском. – Уж к Петровичу – это как раз не по адресу.

На правах хозяина он разлил из бутылки остатки.

– Допиваем, подбиваем бабки – и по домам.

– Годится. – Представитель политического сыска огромной виноградовской финкой аккуратно располовинил луковицу и водрузил свою долю на хлеб. – Чтоб у нас все было – и нам за это ничего не было!

Дружно выпили. Решительно, по-мужски смели со стола остатки трапезы, эвакуировали за окно, в бурные воды залива, стеклотару. Достали и разложили – Виноградов на собственном столе, а гости – на лежащих на коленях «дипломатах» – спецблокноты и папки.

– Торжественное заседание, посвященное счастливому избавлению всеми нами любимого товарища Виноградова от вражеской пули объявляю закрытым. Концерта тоже не будет, поэтому...

– Кстати, мужики, смотрите, что я тут себе выписал, – перебил Владимира Александровича чекист, листавший фирменный морфлотовский «ноутбук».

– Перебивать именинника – бестактно, – не преминул отметить язвительный Груздев.

– Пардон-пардон, я быстро... Вот: «Тайные розыски или шпионство суть посему не только позволительное и законное, но даже надежнейшее и почти, можно сказать, единственное средство, коим высшее благочиние представляется в возможность достигнуть предназначенной ему цели». Кто бы вы думали?

– Крючков?

– Павел Пестель.

– Господи, очернители проклятые – уже и до декабристов добрались. И куда госбезопасность смотрит?

– А она, между прочим, сейчас вместе с тобой бандитов ловит, раз уж ваша фирма не справляется, – Груздев был способен вывести из себя даже самого миролюбивого сотрудника КГБ.

– Все, мужики. Поехали. – Виноградов несколько раз чиркнул по бумаге, расписывая ручку. – Петрович, давай, помогай чем можешь.

– Ну – так. Контровский Константин Георгиевич... установочные данные у вас есть... заслуженный мастер спорта... Поднял я архивные бумаги за его чемпионский период – ничего особенного, как у всех «сборников» – помаленьку контрабанда, мелкие грешки с валютой. Была одна история с какой-то околоспортивной девкой, но замяли, договорились полюбовно...

Виноградов сделал пометку в своих материалах.

– В 1987 году, с уходом из большого спорта и прекращением загранпоездов, Контровский из нашего поля зрения как-то выпал, во всяком случае, я запросил – компромата на него нет. А в восемьдесят девятом, в самый разгул демократии, мы его даже «просветить»

не успели – просто мгновенно оформил «фиктивную» со шведкой и был таков. Да тогда, в общем, считалось – свалил, и черт с ним. Не он один... Получил скорее обычного и шведское подданство. В Союзе до вот этого раза не был... Значит, ребята справку подготовят, а пока на словах сказали: в Швеции покойник активно участвовал в деятельности русско-еврейской мафии. В «разборах» со стокгольмскими кавказцами и с «хельсинкской» группой его команда обеспечивала безопасность боссов. Это достоверно, а предположительно – на них по меньшей мере три трупа, в том числе, что пикантно, – один осведомитель шведской полиции...

– А что же тамошние коллеги? Они-то что всю эту бражку не прихлопнут?

– Так ведь ни один шведский подданный не пострадал... Вон, как выяснилось, даже их человек работал не столько из-за денег, сколько за продление вида на жительство... Вообще наши бывшие соотечественники «крутятся», как правило, аккуратно, шума не поднимают, «доют» исключительно своих, которые в полицию не жалуются. Шведам проще, когда весь этот гадюшник сам собой управляется.

Виноградов оторвался от наполовину исписанного за время рассказа листка и попросил:

– Петрович, если у тебя пока по покойнику все...

– Все.

– ...Прервись, пожалуйста. Пусть Груздев дополнит.

– Я, собственно, могу дополнить только, что в 1987–1989 годах Контровский был «бригадиром» в команде боевиков, ходившей лично под Тамариным. Дел они, особенно поначалу, наделали немало. Потом-то поутихли... Сам знаешь. И еще задолго до «посадки» Тамарин его перекинул в легальный бизнес – это было такое СП «Спортспейсинтер». Честно говоря, полезное предприятие, хотя и отмывало тамаринские деньги. Не в этом суть. А в том, что за кордон Контровский спешно мотанул не из-за бандитского криминала, а в связи с нашей комплексной ревизией – кто-то ему заранее стукнул. Все грехи на него и списали, хотя погореть могли многие. Приезд Контровского особой тайной не был, но и ажиотажа не вызвал. До пальбы, разумеется. А сейчас мы своих людей «зарядили», но пока – ничего.

– Добро, будем надеяться на вашу хваленую оперативную осведомленность. Так. Теперь моя очередь, – Виноградов нашел нужный листок в блокноте. – Контровский приехал в Союз...

– Приехал?

– Прилетел, прошу прощения, в наш аэропорт и, судя по времени, проехал на такси прямо к нам на Морвокзал, в гостиницу. Это подтверждают и те, кто его встречал – Сухарев и Володин. Володин – просто шофер и охранник, а Сухарев – председатель кооператива «Спорттур», также на тамаринское наследство созданного. Кстати, кооператив же и место Контровскому забронировал – «люкс» с оплатой в соврублях по интарифу. Заявка – за день до прилета гостя, на трое суток. Сухарев Контровского в гостинице разместил, всех покормил – и больше у нас не появлялся... Видимо, задачу свою выполнил полностью. А с покойничком почти безотлучно находился Володин и один-два парня из его команды. В первый же день я с Квадратным – это, вы знаете, его еще «дошведская» кликуха – в гостиничном буфете встретился, мы до того были только заочно знакомы, интересно – живая история... Ну что – понюхали друг друга, поулыбались... Вечером они вчетвером – Квадратный, Володин и два «быка» в «Ориент» поехали. Вроде как посидели спокойно – никаких драк, конфликтов. Каких-то девиц сняли – абсолютно «левых», их знать никто не знает. Напились, судя по всему, капитально – Контровский такой скандалище закатил, когда их с Володиным и девицами в номер не пустили!.. С матюгами, угрозами, высыпанием валюты на стойку... Мои милиционеры подошли – он попытался на них дернуться, но Володин конфликт замял. Девочек отправили, «быки» в холле заночевали, Квадратный – у себя в номере. Володин раненько

с утра из дому вернулся, гостя разбудил – пошли опять вчетвером в бар. Володин с собой бутылку притащил, подлечились немного. Минут через тридцать Квадратного в сортир потянуло – он так своим сказал. Ну и вышел покойничек.

– А про убийца что? Эй, Груздев, это по твоей части.

– Личность, так сказать, установлена, но... Перегоненко, ранее трижды судимый – кража по малолетке, потом – разбой, последний раз – двойное убийство, тринадцать лет. В 1988-м сбежал, «грохнув» часового, с тех пор в розыске. Последние года полтора – профессиональный «ликвидатор», душ пять на нем, не считая Квадратного. Постоянных хозяев, по нашим данным, не имел, работал «по контракту» – за наличные, документы, «хату». Больше пока ничего. Да, «пушка» по учету не значится – импортная штучка, для серьезной работы. По машине – тоже глухо, тут на результат рассчитывать не приходится.

– Слушайте, мужики, а что он – другое время выбрать не мог? Среди бела дня, прямо на вокзале... Кстати, Виноградов, а что – в городе отелей слаще твоего нету? Что их сюда принесло?

– А бес его знает. Мне кажется, те, кто с Квадратным расправились, как раз на шум с трам-тарарамом и рассчитывали. Только знать бы, зачем...

– Или время поджимало.

– Возможно. А насчет Морвокзала... Я тысячу раз говорил – объект уникальный, помесь железнодорожной станции, океанского теплохода и интуристовского борделя. Крупнейшее окно в Европу – три парома на Скандинавию, плюс десятки иностранных пассажирских «коробок» за навигацию, круизники... Это не считая «сараев» – ну, автобусов – с тургруппами. Под боком – выставочный комплекс, постоянно полгостиницы в аренде под «фирмачами» – специалистами. И вся эта музыка принадлежит Пароходству – значит, оперативно обслуживаем мы, транспортники. Спецслужбы в помине нет – тоже фактор...

– Ну еще и спецов сюда! Итак – Комитет, таможня, разведка пограничников...

– У семи нянек... Сам знаешь. В этих джунглях каждый жует свой банан, – повторил любимую присказку Виноградов. – По-моему, насчет «Спорттура» и поселения – все просто. У нас в день по полсотни писем от фирм, кстати, от тех, что посолиднее, без «понтов» – номера приличные, в принципе недорогие, а к тому же моряки такой центр связи наверху отгрохали... Хошь – факс, хошь – телекс, ну и другие штучки. Специалистов и валюты у пароходства хватает.

– Ох, нутром чую – не то. Пока ладно. Что теперь делать, хозяин?

– Я что предлагаю... Петрович, подними все у вас по той истории между Контровским и девкой в восемьдесят шестом. Может быть, месть старая – ну там, нынешний муж, жених...

– Ахинея.

– Ясно, но – попробуй для очистки совести. Груздев до конца прошерстит материалы в налоговой и, конечно, оперативные по... – Виноградов сверился с блокнотом, – «Спортепсистеру».

– На фига козе баян? В смысле – может, кто испугался, что Квадратный приехал долги получать? Так с ним вроде по-божески поступили, смотаться вовремя помогли.

– Ну – пожалуйста... Лично я полагаю, что ноги из Швеции растут, но пока нам Комитет ничего нового не дает – не сидеть же без толку.

– Брось ты, все это – тамаринские разборки. Увидите. И размах его, и организация – до деталей. – Груздев закурил.

– Так сидит же Тамарин!

– Петрович, Груздев правильно говорит. Но все равно мне отрабатывать. Сольно. Ни ваше начальство, ни «организованная преступность» не против, конечно, в эту тему впи-

саться, но пока то, пока се, обоснование на справку, согласование на мероприятие – поезд уйдет.

– Ребята из Управления угрозыска обещали еще что-нибудь по Перегоненко подобрать. Ну а в общем... Подстрахуем – я с парой сыщиков, так сказать, полуофициально. Шеф, конечно, знает, но особо влезать не будет.

– Раз Грачновский не против – уже легче.

– Да нет, он, конечно, против. Считает, что ты дурак и лезешь в его огород... Но он мужик грамотный, понимает: личные счеты – дело святое. Пусть, говорит, амбиции служат людям.

– А я начальство избытком информации расстраивать не буду, – вмешался в разговор представитель госбезопасности, – сам помогу, чем могу...

– Петрович, какая уж тут от твоих помощь – лишь бы не посадили...

– Что вы все... Надоело, в конце концов.

– Не обижайся, Петрович. Пойми – мы с Груздевым с доперестроечных времен работаем – и Андропова помним, и Федорчука вашего. Те три года... Что ни день – оперов брали, милиционеров, костяк окопный. Большинство ведь зазря сажали, для плана и «в свете новых веяний» – кто сажал? Ваши, суки... Извини. Про начальство не говорю – я их дел тогда не знал, но те хоть работу волокли. Сменил их кто? «Укрепили» милицию партейцами-алкашами и из ваших – кем побестолковее. Хорошего опера кто отдаст? Трудно нам сейчас Комитету поверить...

– Тем более – полюбить.

– Так точно. Хотя лично ты – мужик мировой. И еще я с полдюжины сыщиков в вашей системе знаю, но – скажут завтра опять «ментов» сажать – вы же этим и займетесь.

– Идите вы... Нашли на кого наезжать. Не ожидал от тебя, Виноградов...

– Бывает, необходимо дать возможность эмоциям взять верх над рассудком...

– Чаще всего из этого получается глупость.

– Знаешь, а иногда – подвиг. – Собеседники уже оделись, и Виноградов возился с замком.

«Дежурный» таксист – один из постоянно кормившихся «на отстое» у Морвокзала с шутками и прибаутками домчал их до ближайшей станции метро бесплатно – он работал на аренде и мог, не нанося ущерба государству, позволить себе подобный знак уважения.

Разговор с Володиным не получился.

Собственно, на абсолютную искренность этого человека Виноградов и не рассчитывал, однако учитывая ряд обстоятельств... Они были знакомы уже почти год, и, несмотря, на различие в социальном положении, взглядах на жизнь, внешнем облике, наконец, между ними за этот период образовалась незримая, но явственная общность – сродни той, которая возникает при длительной позиционной войне между окопными командирами противостоящих подразделений. Обмениваясь пулеметными очередями, допрашивая пленных, перехватывая друг у друга клочок нейтральной территории, они через некоторое время начинали – судя по воспоминаниям участников Первой мировой войны – чувствовать противника и уважать его. Что, впрочем, у настоящих профессионалов на качестве выполняемого ратного труда не сказывалось.

Виноградов, безусловно, кривил душой, характеризуя Володина как простого шофера и охранника. Михаил Володин в социальной иерархии преступного мира занимал то же положение, что и Владимир Александрович в милиции – он был бригадиром в команде рэкетиров, контролировавшей «Морской вокзал». И проблемы ему приходилось решать аналогичные – дисциплина «личного состава», отчетность – правда, денежная – перед вышестоящим начальством, транспорт, связь... Раза три Виноградову удавалось, особенно поначалу,

получать более-менее значимые показания от обложенных «оброком» проституток, фарцовщиков, ресторанных «халдеев», но в последний момент их либо оказывалось недостаточно для прокуратуры, либо «крайним» оказывался кто-нибудь из рядовых бойцов.

Володин – в прошлом мастер спорта по боксу, бывший офицер спецназа морской пехоты, обладавший, наряду с исключительной храбростью и беспощадностью, еще и яростным честолюбием, был вынужден довольствоваться, в общем, незначительным «постом». Путь в «авторитеты» ему заказан – в современном, компьютеризированном и американизированном преступном мире еще сильны отголоски «воровского закона» – человек, в сознательном возрасте сотрудничавший с Властью, навсегда запятнал себя. Сосуществуя на одном объекте, Виноградов и Володин, естественно, часто встречались, иногда даже ели за одним столом – причем каждый платил за себя... Это производило неплохое впечатление на подучетный контингент – спекулянтов, валютчиков и «путанок», и отвратительное – на непосредственное начальство с обеих сторон баррикад. Так и жили, ценя жесты доброй воли со стороны друг друга. «Володинцы» с жестоким боем вышибли с вокзала воров-карманников, еще недавно превращавших в кошмар жизнь иностранцев, отрегулировали количество «мажоров» на привокзальной площади, отсеяли запойных и нечестных проституток, наладили порядок, искоренив драки и дебоши в ресторане – обеспечив и тем, и другим, и третьим защиту и покровительство от «чужих» рэкетиров и просто бандитов. А Виноградов взамен, как это ни странно, всего-навсего честно делал свое дело – не брал взятки и не устраивал «беспредела».

У Виноградова в близком окружении Володина был источник информации. У Володина, как подозревал Виноградов – тоже, вероятно, и не один. Зарплата милиционера невелика...

Бар, грязноватая скатерть, полуостывший кофе.

– Знаете, Володя, моя Анька сделала себе такую короткую прическу... Я себя прямо каждый вечер немножко педиком чувствую.

– Миша, бросьте трепаться. Давайте к делу. Я редко о чем прошу, но на этот раз...

– Послушайте, Володя. Не обижайтесь. Я всегда к вам неплохо относился, а сейчас тем более фирма в долгу – это же вы ликвидатора «завалили». Если бы я заранее не знал ответа, я бы даже премию, благодарность – не знаю, как – словом, денег предложил. Но вы ж не возьмете?

– Не возьму.

– То-то. А в наши дела не лезьте. С кем надо – сами разберемся.

– Но ведь если бы не случай, лично я был бы уже где-нибудь на Северном... Не кто-то – я. Тут уж дело принципа – до тех козлов добраться.

– Понимаю. И сочувствую – как человеку. Но как «менту»... Не обижайтесь. – Володин встал и, собираясь уходить, процитировал Киплинга, своего любимого поэта еще с честных, нищих спецназовских времен: – «Запад есть Запад, Восток есть Восток – и вместе им не сойтись...»

– Продолжение вспомните! А, ладно. Последний вопрос. Личный, не по теме.

– Валяйте.

– Вам там, в «фирме» – сильно влетает за такие ляпы, как с Квадратным?

– Ну ты, начальник, даешь! – Володин весело колыхнулся всем своим почти двухметровым телом, потом внезапно посерьезнел. – Знаете, Володя... Живым оставили – уже хорошо. С «должности», конечно, попрут – у нас ведь выговоров или там порицаний не бывает.

– Не горюйте, выплывете.

– Попробую. Только уж и у меня вопрос. Тоже личный.

– Давай напоследок.

– Володя, а почему вы взятку не берете? Все равно ведь никто не верит...

– Как сказать... Уж во всяком случае – не от страха или там высоких принципов. Помните, Мерзляев в фильме: «Работал не за страх и не за совесть, потому что ни того, ни другого у него не было».

– Уходите от ответа?

– Да нет, пожалуй... Противно. Брать с вас или с другого человека, которого по-человечески уважаешь – его унижать. С дурака или стервеца – самому унижаться. Тем более – оно все этого не стоит. Что мне «червонца» до полочки лейтенантом не хватало, что сейчас «стольника» на шмотку жене... Стал бы брать – тысяч бы не хватало: на машину, на дачу, на «брюлики».

– Согласен.

– Ну и ладушки. Не увидимся больше?

– Город маленький – всего пять миллионов. Слышь, начальник, не лезь в это дело, а? – И Володин, не дождавшись ответа, шагнул к выходу.

Обыкновенно Виноградов в транспорте в «час пик» ездил только по утрам. Возвращаясь с работы, он уже не попадал в основной пассажиропоток – большинство трудящихся к тому времени успевало поужинать в домашнем уюте и задремывало перед телевизором. Но в этот вечер, следующий после неудачного разговора с Володиным, Виноградов, плюнув на все и кое-как запихнув в сейф документы, покинул рабочее место точно в определенное законом время и теперь трясся в переполненном трамвае от метро, зажатый с одной стороны огромной, каких-то патологических размеров дамой, а с другой – миловидной, прекрасно одетой, но судя по наступательным движениям плеч и бедер ужасно агрессивной и неприятной в общении девицей. Придя к кратковременному – до следующей остановки – «консенсусу» с соседками, Виноградов перелистал страницу книги, которую умудрялся читать, коротая почти полуторачасовой путь к дому:

«... – Улик у нас хватает, чтоб доказать все, что нужно, – сказал он. – Теперь главное – выяснить: что нужно доказать?»

И не спавший третью неделю Епифанов пошел в кабинет начальника управления, не евшего второй год».

Виноградов дочитал рассказ, оценил умную иронию Михаила Мишина и начал протискиваться к выходу...

– Владимир Александрович! Уважаемый! – Из припаркованного у парадной новенького «москвича» суетливо выбирался, придерживая одной рукой пыжиковую шапку, а другую опуская в карман бежевой «пропитки», полный одышливый мужичок.

«Такие не убивают» – эта мысль, пришедшая в голову Виноградову мгновенно, опередила возможный испуг.

Действительно, вместо пистолета в протянутой ладони незнакомца забелела «визитка».

– Сухарев Виктор Викторович, генеральный директор кооперативного агентства «Спорттур», – пыжик дрыгнулся вверх-вниз. – Владимир Александрович, прошу покорно – пять минут по личному вопросу.

– У меня прием до шести, – Виноградову грубостью тона пришлось прикрывать некоторую растерянность, возникавшую всякий раз, когда он убеждался в осведомленности преступного мира и в вопиющей, возможной только у нас, уязвимости и незащищенности сотрудников милиции и членов их семей.

– Владимир Александрович, ради бога... Судя по вашему с Володиным разговору вчера – мы могли бы быть друг другу бесполезны.

– Допустим.

– Тогда, может быть, в машину? Не бойтесь, никакой опасности...

Виноградов понимал, что в машине есть еще кто-то – Сухарев выходил через переднюю дверь со стороны пассажира, но кто и сколько? Тонированные стекла – в свое время в Ереване милиция крушила такие резиновыми «демократизаторами» – не позволили разглядеть внутренность салона. Заметив колебание Виноградова, Сухарев бросил внутрь:

– Слышь, выйди-ка, погуляй поблизости. Я позову.

Со стороны водительского места встал и, разогнувшись, негромко хлопнул дверью угрюмого вида борец – его спортивную специализацию лучше всяких дипломов подтверждали характерно изуродованные уши, непропорционально развитая шея. Сломанный нос и весьма неширокий лоб были, так сказать, вторичными признаками – они нередко встречаются и у боксеров.

Алмакаев по кличке Ужас – Виноградов знал его по картотеке Управления и видел пару раз в обществе Володина – отошел в сторону и флегматично уселся на полуразвалившуюся качельку детской площадки, по счастью, пустовавшей.

– Владимир Александрович, вы же всегда с уважением относились к правилам игры... – начал Сухарев, когда они уселись рядышком на заднем сиденье.

– Не понял.

– Бросьте, здесь магнитофонов нет – отвечаю честью. Ну скажите, можно ли представить такое – повздорили два начальника милицейских отделов – к примеру, один у другого секретаршу увел. Обиженный берет бандитов с обслуживаемого района – и громит с ними квартиру интригана. Или возглавляет охоту на его постовых милиционеров – силами тех же бандитов. Это этично?

– Не говорите ерунды.

– Вот именно. Так почему же вы думаете, что в наши разборки мы будем подключать правоохранительные органы? У нас своя этика...

– Но при ваших «разборках» ранили моего человека и чуть меня не угробили.

– Вот в этом вину признаем. Поэтому мне дано добро на сотрудничество – лично с вами. Хотя, сами знаете, помогать «ментам»... Прокуратура озадачила вас поиском мотива – ведь именно его не хватает, чтобы списать дело? Верно?

– Не поражайте меня осведомленностью. Это и пионеру ясно.

– Упаси господь. Завтра у вас будет человек. Он даст показания, что в вечер перед смертью Контровский в «Ориенте» случайно поссорился с Перегоненко, смертельно оскорбил его – что же скрывать, хамоват был покойник, особенно выпивши, а «сатисфакцию» получить пригласил на Морской, наутро... Ну вот и пришел, рассчитался.

– Не ладится. Почему же Перегоненко сразу же Квадратного не ухлопал?

– А у него тогда «ствола» не было. Если надо, Володина на показания «подпишем», еще парочку посетителей... Ну, может быть, одного-двух официантов. Словом, дело техники – главное, ваше принципиальное согласие.

– Стоп-стоп! А где он пистолет достал?

– Ох и вредный же вы. Хорошо, допустим так: завтра один землячок вылетает в ЮАР на постоянное место жительства. Дня через три по почте прокуратура получит его письмо... Суть такая: шел по улице, увидел сверток. Подобрал, развернул – батюшки, пистолет! Бегом понес в милицию, но по пути, у «Ориента», наткнулся на мужика – прямо бешеного. Слово за слово – получил от мужика по голове, пришел в себя – нет свертка с пистолетом. Решил в милицию не заявлять, но на следующий день как передачу по телевизору увидел – и пистолет узнал, и мужика. Тут уж напоследок грех бывшей Родине не послужить – ну и написал. Годится?

– При большом нежелании дальше копать – сойдет.

– Значит, договорились? Всяк при своем – прокуратура дело спишет, вас с милиционером поощрят – может, по медали дадут, а? Мы-то сержанту вашему уже премию выплатили –

и чуть побольше, чем начальнику Главка... Кстати, есть у вас двое – Смирнов и Харченко. Так те в основном валюту предпочитают... А нам грех экономить.

– Надо же, даже «ментов карманных» мне отдаете? Не жалко?

– А что их жалеть? Нам проще – мы еще купим, к тому же без всякой писанины... «Настучал» – получи.

– Скажите, Сухарев, вы верите, что я при желании версию вашу развалю по самые дальние некуда, вместе со свидетелями?

– Верю.

– Так вот... Ко мне пусть они не приходят. Пусть прямо в прокуратуру валят. На меня – не ссылаются. «Схапает» прокуратура эту липу – их грех. Мешаться не буду.

– Спасибо, Владимир Александрович. Я много о вас слышал и рад, что не ошибся. Умных людей сейчас...

– Я не закончил...

– Извините.

– Уголовное дело они пусть хоронят... В конце концов от этого никому не хуже. Но что касается меня лично – разговор отдельный. Дай бог, если я до тех позже вас доберусь.

– Не в силах больше отговаривать, Владимир Александрович, но – искренне огорчусь, если мы вас не опередим... Знаете, вид похорон, даже когда хоронят достойного противника – а я ведь вас именно противником, не врагом считаю – зрелище удручающее.

– Давайте вместе.

– Эх, Владимир Александрович, уважаемый! Жаль, что вы не берете – деньги как-то всегда упрощают отношения.

– Не смею задерживать. До свидания.

– Всего доброго... Эй, слышь! Полежай в машину, поехали.

Виноградов еще подходил к двери в парадную, когда «москвич», взревев, сорвался с места.

Двухметровый тренажер-манекен, сработанный руками умельцев Отряда, мог бы соответствовать даже изысканным вкусам требовательных шаолиньских монахов – с его системой рессор и шарниров, позволяющей буковому столбу совершать качания, вращаясь вокруг оси, пружинно закрепленной на этом столбе на разных уровнях различной формы, длины и толщины «отростками», на которые при желании легко привешивались шипы, ножи и прочие подобные реквизиты.

Конечно, в зале имелись и другие тренажеры, мешки, макивары, выщербленные доски для метания ножей, на стене красовался стенд с учебными пистолетами и холодным оружием, но сейчас внимание присутствующих было приковано именно к манекену, тем более, что с ним уже более десяти минут работал человек, чье имя даже у злейших его врагов вызывало невольное уважение.

Александр Следков, один из лучших в городе и, вероятно, в стране бойцов-рукопашников, владеющий многими секретами легендарных ниндзя, в звании старшины командовал спецгруппой Отряда милиции особого назначения – лучшего ОМОНа Союза. Пресса много, порой даже чересчур, писала о подвигах Следкова и его парней, на порядок превосходивших по боевым качествам даже весьма неплохо подготовленных сослуживцев из «простых» подразделений Отряда. Но сфотографировать его без маски удалось только корреспонденту одной немецкой газеты. Это произошло после того, как в показательном спарринге Следков вывел из строя, будучи в составе делегации ГУВД в Гамбурге, местного инструктора полицейских «коммандос». Зарубежные коллеги, оценив мастерство русского, подарили ему помимо крупной суммы разного рода украшающих технических безделушек – еще изуми-

тельно легкий бронежилет и газовый пистолет, которые не решилась отобрать даже бдительная и суровая таможня.

Парни из спецгруппы называли его «папой» и, абсолютно доверяя и почитая с истовостью учеников древних школ «кэмпо», не задумываясь, шли на стволы и ножи накурившихся «дури» бандитов, вырывали заложников из лап обреченно-отчаянных эков, ложились на взрывные устройства самолетных террористов.

Специфика службы сделала их беспощадными и агрессивными, а издевательская система наград и поощрений, существующая в органах внутренних дел, заставила искать на стороне способы пополнения семейных и личных бюджетов... С «омоновским рэкетом» не решалась биться ни одна «команда» города, и преступный мир принял как неизбежность, что несколько ресторанов и гостиниц «выпали» из сферы его влияния. Нарушение сложившегося равновесия расценивалось как «беспредел», но и в этом случае только одна сила – о ней позже – решалась «вписаться». По правде говоря, ребят Следкова побаивались даже их начальники – вплоть до золотопогонных генералов.

...Виноградов посторонился, пропуская из зала десяток разгоряченных, пышущих потом и здоровьем парней – короткие стрижки, «американские» челюсти, характерно набитые кулаки. Двое-трое, узнав, поздоровались – в том числе и младший брат Алмакаева-«Ужаса», сержант милиции по кличке «Кошмарик». Виноградов в очередной раз подивился: живут в одной квартире, мать-старушка ужином накормит – и расходятся. Один – на «разборку» со строптивым должником, другой – на дежурство, бандитов ловить... Интересно, кто больше денег в дом отдает?

Последним, красиво поклонившись, вышел Следков.

– Здорово, Виноградов!

– Здравствуйте, – руку пожал Следков корректно, не демонстрируя мощь, и Виноградов это оценил. – Я думал, все уже готово.

– Да не волнуйся ты, обещал же – сделаем. Пошли.

В раздевалке, прежде чем уйти в душ, Следков спросил:

– Времени сколько?

– Без восьми, – глянул на часы Виноградов.

– Во, через тринадцать минут вызовут, – командир спецгруппы выставил на стол модифицированную милицейскую радиостанцию, прикрытую чьей-то одеждой.

– Чаю поставить? – спросил кто-то из бойцов.

– Там поедим.

...Ровно через тринадцать минут пронзительно заверещал динамик, и голос, почти не искаженный расстоянием, рявкнул:

– Воронеж, Воронеж – Второму! Воронеж, Воронеж – Второму!

– На связи Воронеж.

– Тревога номер два, повторяю – номер два! Выезд по готовности. Заказчик сядет к вам на углу Большого и Северной.

Еще через шесть минут неприметный автобус с занавешенными окнами, сопровождаемый столь же неотличимой от тысяч подобных «Нивой», притормозил у места встречи. «Нива» проехала чуть вперед, а в приоткрытую на мгновение дверь автобуса проскочил Груздев.

– Ты заказчик?

– Я. Надо представляться?

– Обойдемся, знакомы.

– Добро. Не будем друг из друга идиотов делать. Я здесь, только чтоб зад Виноградову прикрыть, а фактически – сегодня он банкует.

Груздев, то и дело неуклюже наступая на кованные шнурованные сапоги, задевая бронежилеты и стволы коротких десантных автоматов, протиснулся между плотно сидящими омовцами и пристроился на свободном месте в глубине салона.

Виноградов бросил короткий взгляд на Следкова – весь в черном, бородатый, тот как раз расправлял на колене пятнистую маску, предохраняющую глаза от поражения слезоточивым газом и скрывающую внешность – и, получив молчаливое согласие, начал:

– Официальная версия такая. Управление по борьбе с организованной преступностью, «заказчик» (кивок в сторону Груздева), получило информацию о том, что в ресторане «Ориент» сейчас происходит передача крупной партии наркотиков – знаем столик, приметы покупателя и курьера. Не исключено, что в зале сидит вооруженное обеспечение – с той и с другой стороны. Поэтому – вязать всех, кто рыпнется, – жестко. Схему подходов, расстановку – это ваш командир по пути объяснит.

– А в натуре-то там что? – почесал перебитый нос заместитель Следкова по всем «неформальным» акциям, буйный во хмелю, награжденный двумя орденами за бесшабашную отвагу старший сержант Филиппов.

– Фактически там действительно сделка происходит, но, конечно, «травку» они с собой в кабак не поволокли – просто у одного сейчас в кармане листочек с номером и шифром ячейки камеры хранения – той, где товар. А у другого – то же самое, но в его ячейке лежит денежка. И в этом случае, разумеется, им прикрытие не нужно, сидят вдвоем и мирно кушают.

– Ну и на хрена ж мы нужны?

– Нужно навести в «Ориенте» шорох. Чтоб каждый задержанный, каждый! – потому что я еще не знаю, кто из них понадобится, счастлив был на любые мои вопросы отвечать, лишь бы вас всех не видеть... Халдеи, шлюхи, завсегдатаи... Гребите всех, там разберемся.

– Это можно.

– Моих только сразу мне передайте. Чтоб перед начальством отчитаться – мы их у себя дождем, дело техники, – вставил Груздев.

– Нет проблем. Поехали. Ужин стынет, – буркнул Следков и по рядам бронежилетов прокатилась волна одобрительных смешков.

Этим великолепно подготовленным, переполненным силой и уверенностью в себе, не обремененным излишним багажом знаний и сомнений профессионалам было в принципе все равно, где и во имя чего делать свою работу – с одинаковым успехом и азартом разгонят они законно избранную власть в родном городе, захватят партизанскую базу в южно-африканских джунглях, сокрушат черепа и ребра демонстрантов... и в то же время – вышибут топор из рук наркомана, спасая автобус с детьми, бросятся под колеса пьяного угонщика, не дрогнут перед толпой вооруженных бандитов. Многих из них «сходняки» объявили вне закона.

Виноградов несколько раз выручал Следкова, то и дело попадавшего в двусмысленные ситуации из-за своих «беспредельщиков». Дважды его советы и рекомендации, поначалу встреченные недоверчиво, позволяли избежать серьезных столкновений с мощными «ракетными бригадами», традиционно контролировавшими криминальную жизнь какого-то объекта или сферу нелегального бизнеса организованными преступными группами. И теперь ОМОН возвращал долг.

На площадке перед входом в ресторан никого не было. Отправив четырех бойцов к служебному выходу и двоих – к кухонной двери, Филиппов, поддержав молнию просторной, скрывающей лишнее, «аляски», вступил в залитый светом прямоугольник, образованный пронзительно-голубой вязью названия – «Ориент». Еще два чернокомбинезонных омовца бесшумно проскользнули к стене.

Филиппов позвонил. Витражная створка двери сдвинулась, и в образовавшемся промежутке возник рельефный силуэт «качка» – двадцатитрехлетнего швейцара с живописной мускулатурой.

– Ну? – угрюмо вглядываясь в темноту, спросил он.

Вместо ответа Филиппов резко «выдернул» его на себя, сокрушительным ударом в шею сбил с ног и перебросил обмякшее тело одному из товарищей. Тот, молниеносно проверив карманы швейцара, вынул из заднего кармана его брюк газовый пистолет, продемонстрировал его подошедшему Следкову и спрятал за пояс – потом будет решено, нужно ли «показывать» его в отчетах или элегантной заграничной безделушке предстоит сгинуть в море негласных омововских трофеев. В это время, заблокировав гардеробщика и по пути оглушив прикладом вышедшую на свою беду из туалета проститутку – не по злобе, а во избежание истерических криков. – основная группа бойцов продвинулась к залу.

Оркестр в ресторане играл отвратительно. Виноградов успел это заметить, прежде чем взорвался снопом искр под шнурованным сапогом электрораспределитель, и инструменты, взвизгнув, захлебнулись. Началось...

За «груздовским» столиком уже хрипел, вжимаемый лицом в блюдо с закусками чернявый живчик лет сорока, изумленно разглядывал стиснувшие запястья наручники «курьер» – крупнотелый рыхлый бородач. У оркестровой площадки сгрудились согнанные криками и тычками официанты, под дулами автоматов неестественно замерли посетители – за исключением трех-четырех, в основном спортивного вида парней, попытавшихся избежать встречи с омововцами: они корчились на полу, и вид их, окровавленных, был ужасен. Один, пытавшийся проложить себе путь к выходу ножом, лежал, неестественно свернув голову набок, очевидно, ему переломили шейные позвонки. Из кухни донесся грохот падавшей металлической посуды и женский вскрик – скорее возмущенный, чем испуганный.

– Это – ва-ще! – Виноградов удрученно покачал головой, обошел стоявшего посреди зала Следкова и направился в администраторскую.

В течение ближайших полутора часов каждый занимался своим делом. Груздев и его коллеги по Управлению Грачновского «разматывали» группу наркоманов-межрегионалов. (Впоследствии по этому делу были осуждены девятнадцать человек, в том числе двое работников налоговой инспекции и один полковник милиции. Не удалось, правда, толково «вывести» человека Груздева, организовавшего встречу курьера и покупателя в нужном месте в нужное время – меньше чем через неделю его нашли убитым на собственной даче.) Опера из отделения милиции, на территории которого находится «Ориент», и из соответствующего райуправления, уважая «право первой ночи», терпеливо дожидались результатов бесед Виноградова с задержанными – после чего в большинстве случаев увозили их с собой: двое незаконно носивших холодное оружие, семь злостных хулиганов, несколько административно наказуемых правонарушителей и, наконец, погибший при «оказании сопротивления сотрудникам милиции, сопряженного с угрозой их жизни и здоровью» ранее судимый и находившийся во всесоюзном розыске вор – в известной степени повлияли на показатели территориальных ОВД за сутки... А парни Следкова, соблюдая ими же самими установленную ещё на заре существования Отряда традицию, с чувством на совесть выполненного долга поужинали – обильно и вкусно. Разумеется, за счет заведения.

Виноградов, вежливо отклонивший предложение принять участие в трапезе, ссылаясь на крайнюю занятость, действительно успел переговорить по меньшей мере с двумя десятками людей – по две, пять, десять минут, в некоторых случаях, по обоюдному согласию, перенося беседу под честное слово в другое место и время. Слегка подташнивало от выпитого «под разговор» литрового кувшинчика крепчайшего кофе, одежда пропиталась табачным дымом.

– У тебя как, нормально? – спросил Следков на обратном пути.

- Да так... Посмотрим.
- К нам претензии есть?
- Нет, что ты. Спасибо – и тебе, и ребятам. Сочтемся.
- Уж, конечно.

– Знаешь... Вы были бы очень хороши в двух случаях – или при жесткой диктатуре, или в стране, настолько защищенной многовековыми демократическими традициями, что никакой ОМОН их расшатать не способен – ну, там, Англия или Швеция. А в наших условиях... Бес его знает, куда вас повернет.

– Умный ты мужик, Виноградов. Даже слишком. Не горюй, если что – нас с тобой на соседних фонарях повесят. Что те, что эти. Бывай здоров.

- Счастливо. Еще раз спасибо, ребята!

– Маразм крепчал, и танки наши быстры! – Виноградов, с нарочитым удовольствием потянулся, механически поправив ремень подмышечной кобуры. – Тебе-то что со всего этого, Игорек?

– Ни фиги себе! Весь город гудит по поводу вчерашнего «беспредела» в «Ориенте», чистопородный транспортник Виноградов там центрального изображает... Да у нас в инспекции телефоны раскалились! – Игорь Владимирович Телков, аккуратно причесанный, в чистенькой форме с академическим значком, нервно щелкнул зажигалкой. – Я ж теперь морскую милицию курирую. И тебя, обалдуя, тоже, между прочим.

– Так мы, ваше благородие, потому к вам со всем нашим уважением... Подойдет жене? – и Виноградов достал из «дипломата» элегантную коробочку.

- «Черная магия»? Сколько?

- Для вас – госцена.

- Так не бывает. – Телков достал деньги, рассчитался. – Спасибо. Понимаешь...

- Понимаю, сам такой.

– Да я не об этом. Был бы кто другой на твоём месте... А ведь для меня ты на всю жизнь – Первый Учитель. Полтора года, помнишь – чего только не было!

- Не обижайся, но, видимо, хреново я тебя учил.

– Считаешь – сбежал с оперативной работы? Может, ты и прав, но, во-первых – без штабов еще никто не обходился, здесь тоже, поверь, не сахар, а во-вторых... В стране – бардак, зачем, во имя чего шкурой рисковать – за гроши притом? Именно теперь главная задача – выжить, сберечь себя, чтобы когда все утрясется...

- Слушай, а я удивлялся – почему тебя милиционеры Гаденышем тогда прозвали...

– Пошел ты! – побагровел было Телков, но сдержался. – Ладно, после второго инфаркта меня вспомнишь. Семью только твою жалко – ты ж Таньку с двумя детьми нищими на сто-рублевую пенсию оставишь: машины нет, дачи нет. Одно пальто кожаное и «понтов» на миллион.

- Всего доброго.

– Постой! Тебя ж не просто так вызывали. Напишешь объяснительную по вчерашнему, мне отдашь. И не выдрючивайся, ради бога! Грамотно напишешь – смогу замять... Последний раз.

- Хорошо. Ты извини меня – нервы.

– Ладно, проехали. И еще. Сегодня к шести надо подойти к начальнику кадров, Петрову, в двадцать шестой кабинет. Будут решать вопрос о твоей стажировке у немцев – помнишь, то, что с прошлого года прорабатывалось. На пару недель. Так что – затихни и не выпайся.

- Игорек, не могу я к шести – встреча в пять.

- Опять по Квадратному разборки?

- Как сказать...
- Далеко?
- Да так...
- Попробуй все-таки успеть. Я предупрежу Петрова, что просишь перенести на полседьмого, но уж тогда не опаздывай – полковники ждать не любят. Мы с Петровым, кстати, тоже в Гамбург с вами едем, всего на Управу человек десять...
- Все, опаздываю, подробности потом расскажешь.

Виноградов расстелил вчерашнюю газету и аккуратно присел на скамейку, по-весеннему не слишком чистую. Расстегнул плащ, достал книгу и углубился в чтение, не забывая, впрочем, поглядывать то и дело в сторону замыкавшей неухоженную аллею ажурной калитки. Этот скромный, уютный скверик между Механическим институтом и Молодым театром по ряду причин отвечал самым жестким требованиям конспирации и периодически использовался Виноградовым для наиболее деликатных встреч. Слепило солнце, отражаясь от глянцевого страниц, умиротворенно тяжелея сытый желудок. Клоныло в сон.

– «...Человеком нельзя питаться систематически. Человеком можно только время от времени закусывать». Что это ты читаешь, Виноградов?

– Через плечо заглядывать неприлично, Петрович. Мирных граждан пугать – тем более. А читаю я Конечного Виктора Викторовича, своего любимого писателя. Слышал?

– Читал. Ничего пишет, смешно... А вообще – злой он какой-то.

– Смешно... Умно он пишет, умно! А умные – все злые. Но не злобные.

– Есть разница?

– Конечно. Злость – сила созидательная, а злобность...

– Давай к делу, времени мало. Я пока эту твою «шхеру» нашел... Кстати – неплохо. Не возражаешь, если я здесь тоже с людишками видаться буду?

– Стакан нальешь – ради бога. Шутка.

– Договорились. Груздев твой где?

– Не будет. Его намертво «припахали» – по той группе, что в «Ориенте» зацепили. Звонил сегодня с утра из аэропорта – рейс на Алма-Ату. Так что – выпал Груздев из расклада.

– Что ж подделаешь...

– Обидно. По «Спортспейсу» без него ни черта не сделаешь, тамаринские архивы все в Управлении по организованной... Он даже источников своих озадачить не успел.

– Брось. Контровского когда ухлопали? Во вторник. А сейчас – пятница. Это ж тебе не кино по телевизору: шесть серий в неделю – и преступление раскрыто.

– Он мне будет объяснять! Теоретик...

– Ты-то что-нибудь от трам-тарарама в «Ориенте» поимел?

– Головную боль в основном. Сегодня еще придется в Управление ехать – отписываться. А тут еще заграницей соблазняют...

– Я в курсе маленько.

– Тем более. Сам знаешь, может, послать все это...

– Решай сам.

– Ладно... В кабаке я тех девок установил. Официанта. Еще кое-кого выдернул... Контровский трижды ходил звонить – то ли Мише, то ли Грише, так и не дозвонился. Номер по памяти набирал – судя по всему, и до ресторана из гостиничного номера звонил, без толку. Кстати, Петрович, обязательно запиши себе – власть нашу, паразит, ругал.

– Это чем она ему не угодила?

– Говорит – в Совдепии, дескать, как большевики телефон с телеграфом захватили – так и не чинят.

– Пошел ты... Неужели серьезно – больше ничего?

– Абсолютно. Володин почти не пил – осторожный, черт, особенно за рулем. Да и Контровский не из болтливых – тамаринская школа.

– Я только что в прокуратуру звонил – Ишков дело заканчивает. Свидетели, вещдоки – все путем. Мотив...

– Сухарев – человек серьезный. – Виноградов длинно, как умеют выпускники только самой знаменитой в стране высшей мореходки, выругался. – Гори оно огнем! Сегодня в пять тут в одном месте перетолкую – и хватит. Себе дороже.

– Жаль. А я тут кое-что нарыл.

– Ну?

– Так если тебе незачем...

– Кончай выпендриваться.

– Первое. Ту самую историю с амурными похождениями Контровского можешь вычеркнуть – долго объяснять, но там пусто.

– Верю.

– Придется. Второе. Партия «стволов», аналогичных примененному Перегоненко, была изъята нашими чекистами две недели назад в Закавказье, на базе боевиков.

– Чьих боевиков?

– Читай справку, – на колени к Виноградову легла компьютерная распечатка. – Номер в серии совпадает.

– Ого! Как я понимаю, отдать ее ты мне не можешь?

– Правильно понимаешь... И третье. Вчера на зоне убиты двое «горцев». Судя по всему – тамаринский «беспредел»... С ними такое сотворили! Ломами, арматурой. Особо не скрывали, даже кипеж подняли, чтоб «цинк» на волю побыстрее ушел.

– В городе уже знают?

– Поживем – увидим.

– Если поживем... – Виноградов встал, отряхнул полу плаща. – Спасибо, озадачил.

Они пожали друг другу руки.

– Знаешь, Петрович, не обижайся, но... Классные сыщики и серьезные «авторитеты» пользуются обычно довольно приличным русским языком, а все эти «блатные» словечки... Ну не идет тебе!

– С кем поведешься... Впрочем – учту. Ни пуха!

– К черту.

В отличие от «Ориента» скромная, не имеющая даже названия – только горторговский номер, – шашлычная не относилась к туристским достопримечательностям. Обшарпанное неказистое здание в изрядно замусоренном переулке, давленная стеклотара и окурки перед входом. Случайный посетитель, проголодавшийся и соблазненный запахом жарящегося мяса, получал, отстояв немалую очередь, в меру жирный шашлык, компот в мутном стакане, вялый салат и нечто, обозначенное на ценнике гордым именем «лаваш». Торопливо съев купленное за одним из шести столов, усеянных хлебными крошками, остатками лука и рассыпями соли, клиент торопливо покидал заведение, унося тяжесть в желудке и глубокое неудовлетворение в душе родным общепитом. И только очень внимательный наблюдатель мог заметить двух-трех молодых крепышей с орлиными профилями и вороной шевелюрой, постоянно находившихся кто на улице, кто – у самого входа, кто – на расшатанном табурете рядом со стойкой. Неброско одетые, периодически сменяющие друг друга, они под плотными, свободного покроя куртками скрывали помимо тренированных мускулов портативные радиостанции и боевые «стволы». Причем кобур для пистолетов не полагалось – в кармане рядом с оружием лежало заявление без даты на имя начальника ближайшего отделения милиции с просьбой принять случайную, только что подобранную находку. Фокус старый и не слишком действенный, но...

Посвященные же – как правило, это были мужчины с ярко выраженной кавказской внешностью, немолодые, в великолепно сшитых костюмах и безукоризненных галстуках – уверенно толкали небрежно крашенную дверь с трафаретной надписью «Щитовая», проходили, натыкаясь в полутемных поворотах на одного-двух «подсобников», оснащенных не хуже коллег на улице, через коридор – и оказывались в совсем другом мире, в мире, где аскетизм горного аула сочетался с пышностью восточного сераля, где гостеприимство и бескорыстие ценились наравне с беспощадностью и вероломством, где не прощалась трусость и честь ценилась выше жизни.

За скромным фасадом третьесортной шашлычной скрывалась штаб-квартира «горцев» – мощнейшей в городе преступной организации, единственной не боявшейся столкновений с ОМОНОм, терявшей из-за этого людей и сферы влияния, – но не шедшей на компромиссы с Властью. Издревле воевавший с Российской империей, побежденный, но не покоренный ею, маленький кавказский народ был поставлен вне закона не царскими сатрапами, а человеколюбивой советской властью. Муки и смерть тысяч женщин и детей, вывезенных с родной земли, через десятилетия выплеснулись на улицы тихих северных городов ответным разгулом бандитизма, поножовщины, отчаянных драк. Не признававшие законов государства, горцы не желали подчиняться и законам чужого им российского преступного мира. В конце концов установилось некое подобие шаткого равновесия – городской рэкет потеснился, чужаки приступили к медленному перевариванию захваченного куска «пирога», а в милиции города появилось несколько новых сотрудников, переведенных из южных регионов страны и знакомых со спецификой оперативной работы в среде «горской мафии».

Собственно, то, что пути Виноградова и горцев пересеклись, чистая случайность. Торговых точек, созданных выходцами с Кавказа, на Морвокзале не было, а поборами с проституток джигиты не занимались, считая это ниже мужского достоинства, поэтому «окно в Европу» в сферу их интересов не попадало. Просто месяца три назад, возвращаясь с работы, Виноградов увидел у метро троицу изрядно пьяных пэтэушников, осатанело pinaвших ногами чернявого пузанчика лет двенадцати. Особого мужества и даже применения силы вмешательство Владимира Александровича не потребовало, более того, по совести говоря, в конфликте оказались виноваты обе стороны – поэтому он, сдав в пикет на станции одного из хулиганов и окровавленного подростка и оставив короткий рапорт с указанием звания и должности, поспешил домой. А через день Виноградов уже удостоился чести беседовать с отцом спасенной им, так сказать, жертвы – одним из старейшин горской общины города. Встреча, начавшаяся с доставания из «дипломата» пачек купюр, кидания на стол ключей от новеньких «жигулей», закончилась простым рукопожатием и клятвой в вечном долге и братской дружбе. Сейчас у Виноградова возникла необходимость убедиться в крепости клятвы.

Без двух минут пять, вывернув из-за бурого кирпичного заводского забора в переулок, Виноградов с маху налетел на высокого усатого милиционера. Оба в сердцах выругались. Потирая ушибленную о рифленый конец резиновой палки руку, Виноградов увидел в конце переулочка, у входа в шашлычную, желто-голубой кубик спецмашины. Мертвенно-синий маяк на ее крыше ритмично вспарывал пронзительными вспышками окружающее пространство. Черная «Волга» 6-го Управления и потрёпанная «шестерка» кого-то из сыщиков приткнулись чуть дальше.

Виноградов механически предъявил удостоверение, как-то отстраненно удивившись отсутствию зовак, даже в таком глухом районе это вызывало недоумение.

– Проходи, – кивнул милиционер и зачем-то добавил: – «Скорая» уже уехала.

На невысоком, в две ступеньки, бетонном крыльце ярко выделялся белый меловой силуэт (как тогда на пандусе – отметил про себя Виноградов). Круглая пулевая дыра, рас-

кинувшая характерную сеть морщинок по стеклу. Еще одна, обведенная экспертом дыра в пластике двери.

– А, и ты здесь! – младший инспектор уголовного розыска из местного отделения милиции – пару лет назад они вместе занимались рукопашным боем – вышел из шашлычной, на ходу застегивая куртку. – Здорово.

– Привет. Вот – дежурю сегодня, ну и прислали. Может, что по линии транспортников...

– Фигня! Можешь уезжать. Своим начальникам скажи – пусть не страдают. Чистая территориальность.

– Введи хоть в курс.

– Нет проблем. Тут, не секрет, у «черных» берлога была. Мы знать – знали, но до поры не трогали. Все равно без толку. А сегодня около двух часов подъехала машина – только что в ГАИ отбуксовали, вся как решето...

– Не «девятка» белая?

– Нет, синяя «пятерка». Двое в машине остались, а двое вылезли и в шашлычную пошли. Когда мимо одного джигита из охраны проходили – самый здоровый к нему дернулся. То ли спросить, что хотел, то ли «вырубить» его. Теперь уж не разберешь. В общем, джигит от нервов две пули в живот и выпустил.

– Так кто это такой-то был?

– Да личность уже установили – Володин, «ракетчик». С ним еще, – сыщик еще сверился с записями, – Строганов, а в машине – Белов и Алмакаев... Эти двое, кстати, даже вылезти не успели – их с крыши, из автомата. Наповал. Вот у них, кстати, «пушки» с собой были, а у Володина со Строгановым – нет, у Строганова только кобура пустая под мышкой. Он, кстати, лихим парнем оказался – пистолет у «чёрного» выбил, перехватил, «завалил» из него второго – и из «мертвой зоны» отстреливался.

– Спецназ! «Афганец»...

– А ты откуда знаешь?

– Встречался.

– Можешь еще повстречаться. – Кивок в сторону шашлычной. – Он там сейчас.

– Ого!

– Когда стрельба началась, группа захвата с районной охраны в двух кварталах отсюда проезжала. С ходу рванули. В них – с крыши... Одного нашего слегка зацепило. Тут уж парни душу отвели! Жаль, оцепить не догадались, всех бы положили. А так... Три трупа, двое в реанимации и еще одного повязали. «Стволы» взяли, ножей кучу.

– А Строганов?

– Прихватили, не отпускать же. Молчит, сука, но молодец. А «черные»... Что ж, тоже бойцы неслабые – мы же из ихнего начальства никого не замели, одних джигитов. Прикрывали до конца, дали своим скрыться.

– Я пойду?

– Нет проблем.

Виноградов вошел в помещение шашлычной. Жужжание мух, запах остывающего мяса... На опрокинутой посудной стойке – вырванная с куском косяка дверь в «щитовую».

– ...твою мать! – На расцарапанном лице Строганова синеют искривленные губы, в разрыве черного от засохшей крови рукава – наспех наложенный бинт.

– Чем я могу тебе помочь? – Задержанный был вторым человеком в володинской «бригаде», Виноградов уважал его за боевое прошлое и полное равнодушие к деньгам – в рэкрете Строганова привлекал риск, игра, возможность самоутвердиться.

– Саныч, ну почему так? Мы у вас все на виду, «свеченные», фотографии, приметы в каждом отделении, «стукачи» вокруг... Чуть что – сразу «упакуете». Здесь наш дом, нам бежать некуда. А эти... Нагадил – и ищи-свищи по Союзу. Сволочи беспредельные!

– Я тебе, Строганов, судьбу не выбирал. Володина – жаль. Веришь?

– Верю. Он тебя тоже за человека считал. Какой был мужик! Ох, мало я их, еще сочтемся.

Виноградов повернулся к молоденькому, шуплому младшему сержанту, сжимавшему на коленях устаревшего армейского образца «Калашников».

– Он в наших стрелял?

– Нет, что вы. Очень помог, наоборот. Следователь из прокуратуры приезжал, говорит – действовал в пределах необходимой самообороны.

– Зачем тогда держите?

– Приказали, чтоб глупостей не наделал. Сейчас за ним «скорая» приедет.

– Язык придержи, салабон! – Строганов резко повернулся, неловко зацепил раненую руку и коротко охнул.

– Брат, оставь нас на минутку. – Виноградов положил руку милиционеру на плечо и, уловив мелькнувшее в его глазах сомнение, добавил: – Ты поверь, он если захочет уйти – так ни ты, ни я, ни батальон МВД не остановят.

– Тоже мне – Рембо, – пробурчал младший сержант, но вышел.

– Строганов, я мент по жизни и по масти. Это весь город знает. Но я тебя сейчас как мужик мужика спрошу... Вы знали, что в зоне тамаринцы двух «горцев» завалили?

– Знали.

– Что они сейчас – психи... понимали? Что пока не отомстят – не успокоятся? И по их закону – правы будут.

– Да брось, Саныч, не только по их закону. По любому.

– Так какого же...

– Не знаю. Володин сказал – срочно нужно «развести». Я отговаривал его, но... Для него, как и для тебя, вопрос с Квадратным – дело чести. Что-то Володин важное узнал, хотел с Султаном перетолковать. Блин, мы же даже «стволы» в машине оставили!

– Тамаринцы знали, что вы с «горцами» общаетесь?

– Видел я их на... этом самом. И тех и других. Тамарин если считает, что Квадратного «черные» убрали – так это его личное дело. А Володин в это, как я понимаю, не верил, потому и к Султану пошел – хотел до правды докопаться. Вроде тебя, Саныч.

– Знаешь, что я тебе скажу... Володин с Султаном в два хотел беседовать, я – в пять. Если бы наоборот – кто знает?..

– А я потому тебя и не послал с разговорами твоими. Начальство – везде дерьмо, им бы лишь меры принять и наверх доложить. Тамарину выгодно все на «черных» списать, а твоим прокурорам – дело закрыть.

– Слышь, переходи к нам? Тебе ж еще тридцатника нет!

– Лучше ты к нам. – Строганов повернулся в сторону двери. – Эй, служба! Вали сюда, салабон, а то смотри – не укараулишь.

Кто-то с наслаждением повернул в его мозгу визжащее острие бормашины... Еще раз... Еще.

Виноградов с трудом оторвал от постели вялое, ноющее тело, старательно водрузил его на подгибающиеся ноги. Протяжно охнул – под черепной коробкой тягуче перекачивалось что-то тяжелое и жидкое.

Телефон продолжал звонить. Проклиная себя за то, что с вечера не удосужился выдернуть шнур из розетки, Виноградов снял трубку:

– Слушаю.

– Шолом тебе, брат!

– Пошел ты... морда! – Вопреки общей алкогольной интоксикации организма, Владимир Александрович не смог сдержать улыбку – общение с Аликом Фридманом всегда действовало на него благотворно, даже в голове полегло. Фантазер, бессребреник и вечный неудачник – с ним было нескучно и просто, как с домашним животным.

– Ваше благородие, а погромы будут? – этот вопрос Алик задавал Виноградову при каждом разговоре с тех пор, как тот стал сотрудником «внутренних» органов – как и все еврейские мальчишки из интеллигентных семей, он был не только немного поэтом, немного музыкантом, но и немного диссидентом. Вообще же они были знакомы более пятнадцати лет, со школьных еще времен – Дворец пионеров, лагерь на берегу живописного озера, грамоты и парады... Несколько лет назад, зашвырнув за шкаф математический диплом, Фридман с головой окунулся в мутные воды первого потока кооперации, неожиданно даже для самого себя баснословно по тем временам разбогател на «компьютерной теме», затем в одиночку разорился, запил, вылечился, во время туристической поездки в Хельсинки через Миссию попытался завербоваться в южноафриканскую армию, но вместо этого – женился на милой и толстой шведке. Развелся, оставшись без гроша в кармане, воровал в супермаркетах, попался – и был выдворен в пределы родной страны. В настоящее время, как слышал Виноградов, он занимался разработкой и адаптированием программ для игровых автоматов какого-то СП.

– Алик, а ты помнишь, я тебе рассказывал – в Кишиневе в восемьдесят девятом году плакат видел: «Утопим евреев в русской крови»?

– Ну?

– Гну... Рассольнику бы сейчас.

– Перебрал? – в голосе Алика проклюнулись искренняя забота и участие. Что такое похмельный синдром, он, ныне «подшитый», еще очень хорошо помнил.

– Не то слово. Вчера вдруг все так надоело, долбись оно...

– Так слышь, Саньч, я что звоню – пошли сегодня вечером в баню? Как раз взбодрись, омоешься. Пивка возьмем в «Березке».

– А кто будет?

– Да так, человек пять. Наших.

– А девушки?

– Что – надо? – В возникшей паузе зашелестела мембрана телефонной трубки. – Сделаем.

– Ох, брат... Что-то тут не то. Раньше ты вроде по баням не шастал?

– Какой русский не любит быстрой езды? И какой еврей не любит русскую парную?

– Ладно, давай я адрес запишу... Во сколько, говоришь?

В формировании, становлении самой преступной деятельности и зачастую в прекращении существования любой банды рэкетиров баня играет исключительно важную роль. Здесь, как правило, встречаются отцы-основатели, сюда приводят «новобранцев»: в сауне легко оценить рельеф мускулатуры и боевые качества только что освободившегося из лагеря спортсмена или просто земляка, при необходимости – сразу же проверить его кровью, повязать «криминалом». Проводятся и переговоры «на высшем уровне» – под простыней не спрячешь диктофон или пистолет. В периоды досуга – а они случаются и в беспокойной «ракетной» жизни – именно от бань с ревом срываются с места «восьмерки» и «девятки» с мрачно-возбужденными «быками», чтоб, объехав пару-тройку интуристских кабаков, вернуться с бледными от страха, хлюпающими носами «путанами» – а уж здесь с ними вытворяют такое непотребство... Естественно, это не секрет и для соответствующих служб милиции – зача-

стую боевой путь «бригад» и даже целых «команд» обрывается прямо в их «семейном» физкультурно-оздоровительном комплексе.

Искушенный человек, попав в «штабную» баню, практически безошибочно определит статус «бригадира» в иерархии преступного мира, стиль его «команды», особенности национального и спортивного состава, пожалуй, даже – приблизительный период массовой «посадки» посещающих эту кузницу здоровья бойцов. Значительная прослойка высококлассных спортсменов, талантливых массажистов, отменно оплачиваемых врачей... Организованная преступность заботится о своих кадрах лучше, чем Министерство внутренних дел – о своих.

В свое время, утверждаясь на Морском вокзале, Виноградов тщательно изучил «банную» географию города. Вотчины Тамарина, Старышева, Феклистова, Султана, других патриархов рэкета – кое-где он побывал лично, кое-где – пользуясь глазами и ушами «своих» вокзальных проституток. Значительно реже делились информацией коллеги – на этом профессиональном уровне служебная этика не позволяла даже соседу по кабинету сообщать ничего, что могло бы поставить под удар «источник», приобретенный в преступной среде. Сам оперативник в принципе ничем не рисковал – но тот, кто на него работал... Смерть информатора была неизбежной и редко – быстрой. «Мы в ответе за тех, кого приручили», – любил декларировать в беседах с молодыми сыщиками Виноградов.

Адрес физкультурно-оздоровительного комплекса «Макаби» в криминальном плане Виноградову ничего не говорил. Придерживая на плече симпатичную спортивную сумку с банными принадлежностями и коробкой изумительного «липтоновского» чая, он шел просто отдохнуть, сбросить напряжение – физическое в ледяном бассейне и моральное – в пустопорожном и веселом трепе с Аликом Фридманом и его приятелями.

Первая неожиданность встретила Виноградова в скверике перед входом в ФОК. На покосившейся детской скамейке с нарочито отсутствующим видом сидел высокий смуглый парень в форме сержанта милиции – он действительно был сотрудником отделения, на территории которого располагался Морвокзал, Владимир Александрович несколько раз сталкивался с ним по службе. Кроме того, Виноградов располагал информацией о том, что этот юноша, уроженец Поволжья, работал на своих земляков, весьма влиятельную преступную группировку, и изредка, с разрешения «руководства», оказывал разовые услуги деликатного свойства другим нуждающимся. Он был незаменим там, где требовалась легальная милицмейская форма, например, сопроводить «левую» наличность из одного кооператива в другой, шепнуть пару бесценных, может быть, слов с «воли» задержанному, провести разведбеседу с сотрудником милиции, а при необходимости – выступить гарантом, а то и передатчиком взятки. На уровне, разумеется, не выше младшего и среднего начсостава органов внутренних дел.

Проснувшееся профессиональное чутье позволило Виноградову почти мгновенно выделить из множества людей, находившихся в сквере, – мамаш с детишками, пенсионеров, командированных – здоровенного бугая с классически огромным носом, упакованного в коричневую кожу. Они с милиционером настолько симметрично расположились в противоположных концах аллеики, полностью перекрывая подходы к бане.

– Не понял, – Виноградов подошел к сержанту вплотную.

– Все нормально, товарищ капитан, – глаза парнишки забежали. – Кругом чисто – с гарантией. Если что, я предупрежу.

– Там все собрались?

– Ой, я не знаю. Мне только сказали – обеспечить, чтоб без заморочек... Даже про вас ничего не говорили, – он заговорщицки усмехнулся, – я сам догадался.

– Тебе-то не надоело формой торговать?

– Кто чем может, товарищ капитан.

– Что-о?

– Да я не о вас... Повыше вас есть – такие дела ворочают! А мы с братом пошли работать. Денег – шиш, на двоих комната три на два в общежитии. Брат водителем к начальнику устроился, радовался. А через год шеф пьяный в дупель его с руля согнал, сам сел – и вдребезги, оба насмерть. Ребята кто чем мог скинулись, замполит матпомощь пятьдесят рублей выписал... Даже на похороны не хватило. Хрена с два! Я своих не предаю, я просто добираю по справедливости то, что мне государство не доплачивает – за эту же самую форму.

– Бывай здоров. – Виноградов подошел к массивной, окованной двери и нажал на кнопку звонка...

Попарились славно. За исключением Алика, гостя в бане явно нечастого и потому с оханьем и визгом стремившегося поскорее выскочить из парилки к столу, ломившемуся от фантастически вкусной снеди, пестрых банок и пары причудливой формы бутылок, остальные трое толк в паре и ледяной воде понимали, отдыхали основательно и не торопясь. С любовью размачивали веники, смачно кряхтели на верхних полках, махом обрушивались в бассейн... И разговор шел сугубо банный, мужской. Не будь демонстративной охраны у входа...

Одного из хозяев Виноградов немного знал. В восьмилетнем возрасте в числе десятков других еврейских мальчиков Миша Манус был отдан в секцию самбо – времена в стране были беспокойные, община нуждалась в защитниках. Прошли годы, многие из них стали чемпионами Союза, мастерами спорта... Кто-то ушел в рэкет, возродив традицию Бени Крика и поражая выдавший виды преступный мир беспредельной храбростью, жестокостью и точным просчетом каждой акции, кто-то заработал славу и «звезды» в Афганистане и в Закавказье. Многие уехали на землю предков – подготовка позволяла открыть частную школу самообороны или, к примеру, проявить себя в рядах спецназа. Заслуженный мастер спорта Михаил Манус выбрал свой путь. Человек со стальным, идеальных форм телом, фанатик самбо, хулиган и весельчак – он собственными руками переоборудовал загаженную котельную в уютный, небогатый, но удивительно функциональный оздоровительный комплекс, потихоньку «отбил» долги, встал на ноги – и теперь лишь изредка навещался в какой-нибудь «центральной» кабачок, чтобы слегка сбить спесь с охамевшего «воротничка» или подгулявшей компании, неуважительно отозвавшейся о его ярко выраженной семитской внешности. Серьезные же люди Мануса уважали за справедливость, честность и выдающиеся бойцовские качества, используя его в критических ситуациях в качестве незаинтересованного арбитра.

Второй – полноватый мужчина лет пятидесяти, густо поросший черным волосом практически по всему телу за исключением, пожалуй, прогрессирующей лысины на темени, представился Ильей Михайловичем. Третьим был жилистый, с волевой нижней челюстью блондин – Виноградов обратил внимание на характерный пулевой шрам на его предплечье и трехцветную татуировку над левым соском – оскалившийся, готовый к прыжку леопард.

– Владимир Александрович, дорогуша, – Илья Михайлович говорил, барственно грасируя и несколько нарочито растягивая гласные, – вы как предпочитаете – прямо сейчас к делу или немножко еще погреться?

Этим вопросом, оборвав на полуслове очередную байку Фридмана – Алик даже поперхнулся от такой внезапной бестактности, – он круто, по-хозяйски изменил атмосферу вечера, высветил реальный «расклад». В общем, распределение ролей для Виноградова особой тайной не являлось – старого приятеля, вероятно, даже не посвящая в детали, использовали в качестве наживки. Манус являлся для обеих сторон гарантом безопасности и серьезности намерений. Илья Михайлович, очевидно, был тут за главного, а вот блондин с кровожадной киской на груди... Для телохранителя – староват, такому впору открывать

собственную школу карате или рукопашного боя. И не торгаш – нет в глазах суетливых живчиков, непременных спутников любого «делового» (слава богу, на спекулянтов, магазинных жуликов и прочую шушеру Виноградов в свое время насмотрелся). Нехорошие, кстати, глаза. Прохладные.

– Как скажете... Вы хозяин. – Владимир Александрович, придерживая спадающую с плеча простыню, взял со стола банку «Туборга».

– Тогда мы сейчас – еще заходик, а всеми уважаемый и любимый Алик пока соберется, оденется... Миша, вы его проводите?

– Разумеется. Только я тогда уже не вернусь. – Манус встал, перекатывая под смуглой упругой кожей бугры не знакомых с анаболиками мускулов. – Жена ждет.

– Миш, а она от твоего здоровья на стенку еще не лезет? – Фридман, поначалу виновато следивший за реакцией Виноградова, а теперь, понявший, что такой поворот приятеля устраивает или по меньшей мере не пугает, вновь взял привычный фамиллярный тон.

– Нет, Алик. Я женат уже пятый год. – Манус говорил серьезно, как если бы отчитывался на тренерском совете о ходе выполнения предолимпийского графика. – Со свадьбы взял за правило – секс каждый, вечер. Поначалу было трудно, но потом втянулся... Пойдем-ка, брат.

– Мы тут все выключим и закроем, Миша! – крикнул вдогонку Илья Михайлович. – Или как?

– Не надо только ничего трогать. – Дверь, за которой только что скрылись Манус и Фридман, внезапно вновь отворилась и в щель просунулась озабоченная физиономия спортсмена. – В двенадцать придет бабуська, все уберет, помоеет, обесточит. Будете уходить – просто защелку хлопните посильней.

– Добро! – Это короткое слово выбросил, как выплюнул, до того почти все время молчавший блондин. В голосе его явственно звякнули командирские решительные нотки... сдобренные изрядной долей нетерпеливой раздражительности. Дверь закрылась.

– Баня – потом. Времени мало. Илья, переходите прямо к делу.

Илья Михайлович нервно дернулся, подобрал животик. Виноградову даже показалось, что сейчас он вскочит, вытянет руки по швам и гаркнет: «Есть!» На какое-то мгновение, представив себе эту сцену, Владимир Александрович развеселился, но...

– Дорогуша, убийство нашего общего знакомого Контровского заказал и оплатил Виктор Викторович Сухарев.

Виноградов не обольщался насчет приятного и легкомысленного начала вечера, но чтобы так... Он даже не попытался скрыть свою ошарашенность.

– Однако! Заявочка серьезная.

– За базар, как говорят блатные, отвечаем. Но прежде чем продолжить – стоит ведь, да? – хотелось бы заручиться некоторыми гарантиями.

– Ну?

– Всего-навсего – ваше честное слово, что сведения, которые получите, не используете в ущерб тем, кто их сообщил.

– Со скрипом, но – приемлемо.

– Кроме того, получив доказательства виновности упомянутого лида и удовлетворив вполне понятное чувство справедливой мести, вы прекращаете дальнейшее копание в этой истории.

– Заинтриговали... Ладно, согласен. Но ведь если клиент попадет ко мне – не боитесь, что многих за собой потащит? Специально я ему рот затыкать не буду, тем более – начальство.

– Наши проблемы, – вмешался в разговор блондин, демонстративно взял с серванта массивные золотые часы и начал пристегивать ремешок. – Времени в обрез.

– Да-да, – засуетился Илья Михайлович. – Видите ли, Владимир Александрович, я представляю в Союзе фирму «Эриксон-балтик». Мы импортируем из Скандинавии игровые автоматы... У вас на Морском вокзале, кстати, тоже стоят наши...

Виноградов мгновенно вспомнил влажно-теплые ксерокопии арендных договоров, грузовые документы – иномарка гнала паромы через морские ворота страны десятки контейнеров с компьютерными играми и «однорукими бандитами», с детства приобщая нас, сирых, к достижениям западной цивилизации. За бешеные деньги и еще более фантастические взятки жадная стая кооператоров-прилипал растаскивала контейнеры по городам и весям от Мурманска до Свердловска и Еревана. Пузатые дяди в «пропитках», сопливые школяры – и у тех, и у других карманы опустошались пусть даже не мгновенно, но неотвратно. Пароходство как постоянный деловой партнер получало зал игровых автоматов практически бесплатно, пополняя за счет чужих пороков и страстей небогатый фонд своего социального развития. Виноградов вспомнил также инициалы и фамилию под документами фирмы.

– Вы – Домантович?

– Правильно.

– А вы? – Виноградов повернулся к третьему собеседнику. – Вероятно, Эриксон?

– Разумеется, нет. Я Виктор Судниекс, гражданин Швеции. Если это для вас так уж важно... Я руковожу отделом безопасности шведско-советского филиала фирмы.

– А это правда, что у нас пишут – игорный бизнес на Западе контролируется мафией? Ну там – казино, притоны...

– Простите, Владимир Александрович, вы дурака изображаете, чтобы время выиграть? Или еще почему-нибудь?

– Простите. Все, больше не буду.

– Продолжайте, Илья.

– Так вот, Константин Георгиевич Контровский работал в нашей фирме, даже точнее – в «аппарате» господина Судниекса. Некоторое время назад у нас возникли... скажем так, определенные недоразумения со «Спорттуром».

– «Спорттур» – это Тамарин?

– Владимир Александрович, не секрет ведь, что за «деревянные» рубли сейчас приличную охрану не нанять. А Тамарин – это гарантия нормального бизнеса, это – имя. Поэтому и родился «Спорттур» – вроде как дочернее предприятие с определенным процентом прибыли от общего оборота. Ребята обеспечивали порядок, Сухарев придавал всему этому респектабельность – и в сами операции с игровыми автоматами «Спорттур» не вступал. Но в январе ко мне неожиданно обратился Сухарев с просьбой... Собственно, он сказал, что это личная просьба Тамарина – пропустить через него два-три контейнера с «однорукими» не по бумагам, а живьем.

– С чего это вдруг?

– Вроде как в Закавказье у них шикарный сбыт высветился... Да нет, в общем, понятно – Тамарину же даже на зону сообщают, какая это «сладкая» тема, а он человек с размахом – решил, как мы подумали, самостоятельно нажиться, минуя нас.

– С бандитами – с ними всегда так. Того и гляди – прирежут дойную коровку.

– Неуместная ирония. Тем не менее – вы правы. Короче, мы решили не ссориться, выделить прямо с теплохода, через вашу таможню на Морском вокзале получил. Я специально посмотрел – в «фуры» загрузили и транзитом – на юг. И все бы ничего...

– Неделию назад к нам в Стокгольме обратился только что прибывший эмигрант из бывших кавказских боевиков. – Судниекс в течение разговора успел надеть белье и теперь застегивал пуговицы белоснежной сорочки. – Он нес какую-то ахию – благодарил за помощь в борьбе, просил еще... В конце концов выяснилось – в контейнерах, пришедших по доку-

ментам в адрес Сухаревского «Спорттура» и отправленных им в Закавказье, помимо наших игровых автоматов было упаковано оружие.

– Что, простите?

– Оружие. Пистолеты в основном и припас к ним. Систему и модель назвать?

– Догадываюсь, – перед глазами Виноградова промелькнуло: сквер, скамейка, справка КГБ.

– Тем лучше. Технически это было несложно – контейнеры под пломбой, досматривают их таможенники без особого пристрастия – репутация фирмы прекрасная, никогда – ничего. А что там внутри каждого агрегата – рентгеном не просветишь, собачка не унюхает.

– Да-а, дела.

– Мы удивились, – вмешался Илья Михайлович. – И возмутились, конечно. Тамарин никогда в политику не лез и поперек дороги государству не вставал. Нам это тем более ни к чему, мы торговцы мирные и честные... Словом, вычислили одного бывшего тамаринского – Контровский сам, дурак, его в свое время пригрел, с жильем помог, вид на жительство организовал, работу... А тот, собственно, и не скрывал – да, «зарядил» контейнеры, валюта – тамаринская, через Сухарева...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.